

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
РОСТОВСКОЙ ЗЕМЛИ
1995

СМЕХОВЫЕ МОТИВЫ В МИНИАТЮРАХ РАДЗИВИЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

С. В. Сазонов

Созданная в конце XV в., Радзивилловская летопись — один из наиболее ранних иллюстрированных памятников, повествующих об истории Руси. Происхождение миниатюр, украшающих этот памятник, а их более 600, во многом загадочно. С одной стороны установлено, что при работе над этим списком миниатюристы и писцы использовали более раннее летописное произведение, по наблюдениям А. А. Шахматова — «иллюстрированный памятник XIII в.». С влиянием раннего оригинала исследователи связывают архаизм многих миниатюр, присущее их автору «почти полное игнорирование достижений русского искусства XIV—XV вв.». С другой стороны, почти все миниатюры рукописи были подвергнуты правке, причем художник, вносящий эту правку, а часто и переписывавший миниатюры заново, работал в совершенно иной манере. Его рисунок более профессионален, в нем чувствуется влияние искусства Западной Европы, а знание западноевропейских реалий проявляется в многочисленных характерных изображениях предметов одежды, вооружения, утвари и др. В этой же манере был выполнен ряд миниатюр в конце рукописи. Ситуация еще более осложняется тем, что, как это было показано А. В. Чернецовым, отдельные западноевропейские элементы встречаются и в откровенно архаичных для конца XV в. миниатюрах, ориентированных на более ранний древнерусский оригинал.

Исследователи, ставившие перед собой задачи анализа стиля миниатюр, выявления количества художников, которые над ними работали, выявления иллюстрированных протографов Радзивилловской летописи, тех или иных политических тенденций, отразившихся в миниатюрах, воспринимали этот памятник как сугубо серьезный. Мне же хотелось бы рассмотреть его в несколько ином аспекте, попытаться показать наличие здесь смеховых мотивов. Иногда они проявляются в деталях, появившихся в миниатюрах изначально, чаще — в последующих пририсовках внутри миниатюр или на полях. На эти мотивы до сих пор почти не обращалось внимания. Пожалуй единственным, кто ощутил их присутствие, был В. И. Сизов, указавший, что многие элементы могли быть привнесены в миниатюры с целью придания им большей за-

нимательности. Но это наблюдение В. И. Сизова было затем оспорено О. И. Подобедовой. Исследователи чаще всего трактовали подобные элементы в сугубо серьезном плане, как аллегорические изображения, раскрывающие политическую позицию художника, политический смысл той или иной миниатюры. Видимо, такая позиция объясняется глубоким различием в понимании смешного между современным человеком и человеком средневековья. Исходя из этого, я ограничусь целью показать, на примере нескольких миниатюр, что смеховое начало действительно здесь присутствует.

Обратимся, прежде всего, к миниатюре № 160 (л. 74). Она принадлежит к циклу миниатюр, иллюстрирующих Летописное сказание о Борисе и Глебе. На миниатюре изображена сцена совета св. Бориса с дружиной, во время которого Борис Владимирович объявил о своем отказе от претензий на великокняжеский стол — сюжет, безусловно, весьма серьезный и даже драматичный. Однако, в смысловом центре композиции, прямо между приподнятой в жесте обращенной рукой князя и приподнятой рукой боярина мы обнаруживаем странный и неожиданный здесь предмет — высокую палку, завершающуюся бесформенным пятном, похожим на клочок шерсти. Нет сомнений, что так оно и есть. Святого Бориса, одну из центральных, символических фигур русской истории, в один из важнейших и трагических моментов его жития художник изобразил сидящим за пряхкой.

В искусстве Древней Руси подобные примеры мне неизвестны. Однако, пародийный сюжет «рыцарь за пряхкой» широко распространен в литературе и искусстве средневекового Запада. Примеры таких сюжетов приведены в одной из последних книг В. П. Даркевича². Их появление связано с тенденцией к дегероизации рыцарей³. Нет сомнений, что, хотя стиль миниатюры восходит к искусству Древней Руси, отмеченный пародийный сюжет тесно связан именно с западноевропейской культурой.

На миниатюре № 390 (л. 166 об.), изображающей возвращение войск Ярополка Владимировича Киевского, Юрия Владимировича Долгорукого и Андрея Владимировича Волынского из похода на Чернигов, мы видим пририсованную слева фигуру рыцаря, изображенную в сложном развороте «задом наперед». Эта фигура, по всей видимости, никак не связана с сюжетом миниатюры, зато, на мой взгляд, имеет ярко выраженную смеховую нагрузку. Оружие рыцаря, кинжал или меч, направлено в сторону его обладателя. Смерть от своего

оружия считалась в эпоху средневековья позорной смертью. Вспомним, например, договор князя Игоря с греками, помещенный в летописи под 945 г. От имени русской стороны здесь говорится: «Аще ли же кто от князь или от людей русских, ли хрестеянъ, или не хрестеянъ, преступить се, еже есть писано на харатьи сей, будеть достоинъ своим оружиемь умрети, и да будеть клять от Бога и от Перуна, яко преступи свою клятву»⁴.

Таким образом, снижающий, смеховой смысл изображения, обыгрывающего позорную для рыцаря смерть, был, несомненно, понятен русскому читателю. Однако аналогов этому сюжету в искусстве Древней Руси опять же обнаружить не удастся. Что же касается искусства Запада, то здесь можно привести, по крайней мере, один аналогичный сюжет — пародийное изображение коронованной мужской фигуры на троне, поражающей себя мечом, приведенное в своде маргинальных сюжетов из рукописей XIII—XIV вв., составленном Л. Рэндалл⁵. На западноевропейское происхождение этого сюжета указывает и характерный доспех рыцаря.

Обнаженная мужская фигура на поле миниатюры № 392 (л. 166 об.) уже сама по себе выглядит сниженно и непристойно, а значит принадлежит смеховому миру. Смеховой аспект этого сюжета подчеркивается контрастом с сугубо серьезным смыслом миниатюры с целом. Миниатюра иллюстрирует пожалование Ярополком Владимировичем княжений своим вассалам. Смеховую нагрузку имеет и плод, который обнаженная фигура держит в левой руке. По определению Н. П. Кондакова это плод смоквы. Смысл этой детали может быть связан с евангельским рассказом о проклятой Христом за неплодие смаковнице (Мф. XXXIV, 32). Напротив, плод смоквы в руке тщательно, со всеми подробностями нарисованной обнаженной фигуры должен подчеркнуть плодovitость, мужскую состоятельность его обладателя. Думается, что для человека средневековья эта евангельская аллюзия должна быть достаточно прозрачной.

К пародийным, смеховым сюжетам относятся, видимо, и изображения людей, вооруженных дубинками. Они встречаются в четырех миниатюрах Радзивилловской летописи (№ 361, л. 157 об.; № 384, л. 165; № 406, л. 170 об.; № 537, л. 212 об.). Первая из этих миниатюр, изображающая отъезд сына Владимира Мономаха, Андрея, на княжение во Владимир Волинский подверглась характерной правке. В руке одного из воинов, вместо традиционного копья, мы видим неожидан-

ную здесь дубинку. На второй миниатюре изображено вступление войска Ярополка Владимировича в Переславль. Мастер, правивший миниатюру, дополнил ее, пририсовав одному из воинов руку опять же с грубой сучковатой дубинкой. Этим оружием воин замахивается на льва, также пририсованного вторым мастером. На третьей миниатюре тот же мастер пририсовал на поле фигуру человека, замахивающегося грубой дубинкой на группу воинов. Другой рукой он, как будто, придерживает за хвост лошадь одного из всадников. Наконец, на четвертой миниатюре, полностью принадлежащей кисти этого мастера, человек в шутовской двухцветной одежде замахивается дубинкой на захваченного князем Давыдом Ростиславичем князя Всеволода Юрьевича.

Смеховой смысл этих сюжетов связан с использованием в качестве оружия грубой дубины. Это низкое, неблагородное оружие одинаково унижает и снижает как тех, кто им владеет, так и тех, против кого оно направлено. На первых трех миниатюрах второй художник ввел эти сюжеты в уже существующие композиции. Оружие простонародья оказалось в руках профессиональных воинов, разрушая их традиционный образ и превращая их «в комические антиподы идеальным рыцарям»⁶. При этом оказался разрушенным и первоначально серьезный смысл самих миниатюр. В четвертом случае этот мастер использовал пародийный прием в своей собственной миниатюре. Низкое оружие оказывается здесь уже не в руках воина, а в руках человека в двухцветном шутовском наряде. Однако то, что направлено оно против князя, пусть даже пленного, несомненно противоречит традиционной этикету, снижает смысл миниатюры, вводит сюда смеховой, пародийный акцент. Истоки этих мотивов также следует искать в культуре Западной Европы. В качестве аналогичной можно привести, например, медальон из т. н. Реймского миссала кон. XIII в. (собр. РНБ) и изображенные фигуры бегунца с дубиной из «Псалтири Луи л'Юэна» нач. XIV в.⁷

Пожалуй к этому же ряду следует добавить и миниатюру № 432 на л. 178. Здесь изображена сцена совета князя Владимира Мстиславича с митрополитом Климентом. Второй мастер, в числе прочих деталей, добавил сюда и фигуру человека справа. Он держит в руке характерную палку с перекладиной, возможно — посох митрополита. Поза этого человека, как будто замахивающегося на стоящую перед ним группу людей, напоминает миниатюры, рассмотренные мной выше.

Этим миниатюрам противостоит миниатюра № 417 (л. 170 об.), изображающая бегство войска князя Всеволода Ольговича от Владимира Волынского. С левого края миниатюры художник присовывает обращенную навстречу войску гротескную фигуру. Этот человек имеет вооружение воина — щит и копье, но с этим вооружением контрастирует почти полная нагота. Он одет только в очень короткую нижнюю рубаху. Появление этой фигуры никак не связано со смыслом миниатюры. Вероятно, она введена в первоначальную композицию с развлекательной, смеховой целью.

Не исключено, что смеховой смысл имеют и многочисленные изображения зверей, пририсованные вторым мастером к целому ряду миниатюр⁸. В арсенале средневековой эстетики смеха эти комические двойники человека занимали одно из ведущих мест. Следует внимательно присмотреться и к изображениям трубачей. Их без преувеличения можно назвать одним из излюбленных сюжетов второго мастера. По моим подсчетам трубачи встречаются почти в 30 миниатюрах. В отличие от перечисленных выше примеров эти изображения часто перекликаются по смыслу с миниатюрами, в которые второй мастер их вводит. Обычно эти миниатюры иллюстрируют битвы, осады городов, встречу горожанами своих князей. Однако значительное количество миниатюр, подвергшихся подобному исправлению, та настойчивость, с которой мастер это делает, заставляет искать в этом второй, неявный смысл. В мире иллюстраций Радзивилловской летописи трубачи, на мой взгляд, выполняют одну из важнейших функций. Неизменно присутствуя во многих сюжетах, они создают своего рода звуковой фон действия, дополняют безмолвие книжной страницы иллюзией звука. Характер этой «музыки» во многом зависит от фантазии читателя (которая, как представляется, в этом случае, действует бессознательно) и специфики сюжета. Однако само присутствие музыкантов в миниатюрах сближает атмосферу иллюстрации с атмосферой народного праздника, карнавала, в котором музыка и звуки вообще играли большую роль. Не исключено, что настойчиво вводя этот элемент в ткань миниатюр Радзивилловской летописи, мастер, сознательно или бессознательно, преследовал и чисто развлекательные цели. Аналоги многочисленным изображениям трубачей также находим в искусстве Западной Европы. Так, полной аналогией сюжету «трубач на башне», который встречается в Радзивилловской летописи 12 раз, может служить миниатюра из французской рукописи начала XIV в.⁹

Если мне удалось показать наличие смеховых элементов в миниатюрах Радзивилловской летописи, то это позволяет вернуться ко много раз дискутировавшемуся вопросу о происхождении автора этих сюжетов. Его знакомство с книжной культурой Западной Европы несомненно и давно признано исследователями. Тем не менее большинство из них уверены в русском происхождении мастера. Но одно дело знать чужие реалии и даже чужой художественный язык и использовать его в своей работе. И совсем другое — уметь шутить и смеяться на нем. Тем не менее второй мастер настолько свободно использует этот язык, настолько последовательно и настойчиво проводит его в своей редакторской правке, порой даже в ущерб первоначальному смыслу миниатюр, что невольно возникает мысль, что именно язык западноевропейской книжной миниатюры был для него родным. Однако для более определенного суждения о происхождении этого мастера несомненно нужны дальнейшие исследования.

¹ Здесь и далее используется нумерация и определения сюжетов миниатюр в последнем издании Радзивилловской летописи. См.: Радзивилловская летопись. Спб.; Москва, 1994. Т. 2. Текст. Исследование. Описание миниатюр.

² Даркевич В. П. Народная культура средневековья. М., 1992. С. 74—75.

³ Там же. С. 72.

⁴ ПЛДР. XI — начало XII века. М., 1978. С. 66.

⁵ Randall L. M. Images in the margins of gothic manuscripts. Berkeley; Los Angeles, 1966. XXIX, 135. См., также: Даркевич В. П. Народная культура средневековья. С. 234. Табл. 18. Илл. 2.

⁶ Даркевич В. П. Народная культура средневековья. С. 17.

⁷ Французская книжная миниатюра XIII века в советских собраниях. 1270—1300. М., 1984. С. 206. Даркевич В. П. Народная культура средневековья. С. 16. Рис. 2.

⁸ См., напр., след. миниатюры: № 352, л. 155 об.; № 359, л. 157; № 363, л. 158; № 371, л. 161; № 374, л. 162; № 381, л. 164; № 384, л. 165.

⁹ См.: Даркевич В. П. Народная культура средневековья. С. 259. Таб. 43. Рис. 3.

ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ ИКОН РОСТОВСКИХ СВЯТЫХ В СОБРАНИИ РОСТОВСКОГО МУЗЕЯ

А. Г. Мельник

В собрании Ростовского музея имеется значительная группа живописных памятников, которую мы предлагаем, условно, конечно, рассматривать как особую коллекцию. Это